

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2018

Ростов
2019

Еще раз о крепостных людях ростовских крестьян в конце XVIII — первой половине XIX в.

А. Г. Морозов

Одним из важнейших показателей генезиса капиталистических отношений в крупных приозерных торговых селах Ростовского уезда является проблема обеспечения рабочей силой. Рассмотрим особенную по своему социальному, количественному и национальному составу группу рабочей силы, производственные отношения, их изменения, а также выясним, какую роль здесь играла патрональная политика помещиков и община.

Поставленные вопросы привлекали к себе внимание уже современников¹. Актуальна была подобная тематика в советский период². В современной историографии выделим труды известных ученых Л. В. Милова и Б. Н. Миронова³. Автор данной работы также обращался к поставленной теме⁴.

Документальной основой для исследования послужили ревизские

¹ *Никольский Ф. Я.* Поречье-Рыбное Ростовского уезда // Ярославские губернские ведомости (далее — ЯГВ). 1848. Ч. неофиц. № 37—43; *Хранилов И.* Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. М., 1859. С. 32; *Давыдов В. А.* О формах землевладения у ростовских огородников // ЯГВ. 1887. Ч. неофиц. № 95; *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885; *Столянский Н. П.* Промыслы в селе Поречье-Рыбном Ростовского уезда Ярославской губернии (сообщение 28 февраля 1885 г.) // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1885; *Семевский В. И.* Крепостные крепостных крестьян в России в XVIII в. // Русская мысль. 1902. Кн. 7. С. 55—87.

² *Генкин Л. Б.* Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года. Ярославль, 1947; *Федоров В. А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974; *Он же.* Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (Конец XVIII — первая половина XIX века) // Вестник Московского университета. Серия 9. 1962. № 6. С. 57.

³ *Милос Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 2000. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.

⁴ *Морозов А. Г.* К вопросу о социальном и имущественном статусе поречских крестьян в первой половине XIX в. // История и культура Ростовской земли (далее — ИКРЗ). 1999. Ростов, 2000. С. 127; *Он же.* Генеалогия ростовского крестьянства: к истории и генеалогии рода Пелевиных // ИКРЗ. 2006. Ростов, 2007. С. 127—141; *Он же.* Проблема обеспечения рабочей силой в ростовском огородничестве // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2007. № 8. С. 31—35.

сказки, договоры и контракты крестьян, прошения по разным предметам в фонде вотчинного и волостного правления с. Поречья, метрические книги церквей данного села. В маклерских книгах г. Ростова конца XVIII — начала XIX в. также наличествуют документальные свидетельства приобретения крестьянами крепостных людей.

Значительный объем сведений содержат ежегодные журналы входящих и исходящих бумаг, книги указов и распоряжений домовых контор В. Г. Орлова и В. Н. Панина, С. М. Голицына, их инструкции по управлению вотчинами⁵.

Среди перечисленных источников необходимо выделить ревизские сказки и метрические книги, освещающие вопросы не только генеалогии, но и социальных отношений, мобильности ростовского крестьянства, а зачастую купечества и мещанства уездных, губернских и столичных городов европейской России: Ростова и Ярославля, Костромы и Переславля-Залесского, Твери и Кашина, Петербурга и Москвы⁶.

Работников и работниц ростовских огородников целесообразно разделить на три неравнозначные группы: «покупные» люди — крепостные крепостных; свободные люди разных податных сословий, постоянно жившие в приозерных селах; так называемые «поденщики», приходившие сюда на заработки. Рассмотрим первую из упомянутых групп.

Согласно «Уложению» графа В. Г. Орлова в с. Поречье, крестьяне имели право покупать себе крепостных на стороне, записывая их на его имя⁷. «Уложение» строго оговаривало, что крестьяне, пожелавшие купить себе работника или работницу, должны быть «поведения доброго» и относиться к своим крепостным осторожно, «отечески», о покупке, а также и найме «уведомлять бурмистра, кто у него в работниках неотменно». Бурмистру с его подчиненными было приказано строго смотреть за работниками: «...дабы не было между принятыми подозрительных людей, беглых, воров и тому подобное»⁸. Аналогичное право покупки крепостных на имя своего помещика, оговоренное в указах и распоряжениях домовой конторы, было у крестьян с. Сулость, Никольское на Перевозе и др. вотчины князя С. М. Голицына⁹.

Списки — реестр «покупных для услуг» — бурмистр с. Поречья за свое село, Спасскую (графскую) слободу, Борисоглебские слободы, с. Воржу

⁵ Российский архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1273; Ф. 1274.

⁶ РФ ГАЯО. Ф. 372.

⁷ Уложение для с. Поречья гр. Орлова // ЯГВ. 1853. Ч. неофиц. № 41—44; Морозов А. Г. К вопросу о социальном и имущественном статусе поречских крестьян в первой половине XIX в. // ИКРЗ. 1999. Ростов, 2000. С. 127; Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 125, 392, 432.

⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 506. Л. 15. Оригинальный рукописный текст «Повелений» для с. Поречья, а также для Борисоглебских слобод, данный 16 июля 1774 г. «В бытность его Сиятельства, графа Владимира Григорьевича в Поречье...», ставших основой «Уложения».

⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ГИМ ОПИ). Ф. 14. Д. 3085. Л. 75, 75 об., 84.

как глава центра ростовских вотчин отправлял в начале года в Москву, в домовую контору. Зачастую это были персональные прошения крестьян о дозволении купить себе работника¹⁰.

В ревизских сказках с. Поречья вслед за переписью крестьян записаны их покупные люди — женщины, мужчины, семьи. Списки покупных занимают примерно шестую часть ревизских книг и содержат следующие данные: семейное положение; возраст; из какого населенного пункта происходит; бывший владелец; где и кем из крестьян куплен; куда и кому продан, отдан в рекруты, а женщина выдана замуж.

На момент проведения 5-й ревизии 1795 г. зафиксированы 73 покупные женщины, 47 мужчин и 4 семьи, в которых было 4, 2, 2 и 2 человека, всего 130 человек¹¹. Данный список пополнялся и после проведения ревизии. В 1796–1802 гг. были куплены и внесены в ревизскую сказку еще 81 женщина и 14 мужчин. Следовательно, в 1802 г. всех покупных людей у крестьян с. Поречье насчитывалось 225 человек. Самих крестьян обоего пола в селе было 1880.

Рассмотрим географию покупок. Из указанных лиц в Петербурге были куплены 4; в Москве и Московской губернии — 3; в Смоленской, Рижской и Полоцкой губерниях — по 2; в Калужской, Нижегородской, Псковской, Тверской, Тульской губерниях — по одному. Очевидно, что поречские крестьяне приобретали себе крепостных работников там, где они были на отхожих промыслах, и часть покупных фактически не жила в Поречье. Они находились вместе с крестьянами в городах¹². Также на стороне покупали себе крепостных крестьяне с. Сулость. В частности, 31 мая 1834 г. контора Голицыных запрашивала бурмистра этого села — где проживает купленная крестьянином Семовым работница Ольга Петрова — с ним в городе или в вотчине¹³.

По национальному признаку подавляющая часть «покупных» была великорусского происхождения. Однако в списках встречаются имена других национальностей. Например, приобретенный в Риге Михель Сента Иотола был, скорее всего, латышом, а Яган Петров и Яков Ганц из Полоцка, возможно, — поляками или белорусами. Таких имен насчитывается девять¹⁴. В журнале домовой конторы В. Г. Орлова отмечен случай, когда крестьянин Борисоглебских слобод И. Т. Колчин купил 10 июня 1808 г. на польской границе, в Волынской губернии двух мужчин поляков, которые при переправе через Днепр около Киева от него сбежали¹⁵.

Проанализируем данные ревизской сказки 1834 г.с. Поречья. Рядом с записью имени покупного человека почти всегда есть помета, сделан-

¹⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 16 об., 18, 30 об., 51; Д. 535. Л. 78 об.; Д. 544. Л. 62 об., 140; Д. 986. Л. 132 об.

¹¹ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее — РФ ГАЯО). Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 129–143 об.

¹² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 869. Л. 17, 24 об., 28.

¹³ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3116. Л. 96, 98, 113 об.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 140, 141, 142 об., 143 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 9–9 об., 13, 20 об., 43 об.

ная другими чернилами, карандашом — кем из крестьян он был куплен и находился в услужении: «Оная девка Николая Сорогина», «У Андрея Титова», «Ивана Маринина Большого» и т.д. Всех помет с указанием фамилий крестьян насчитывается 44 из 152 фамилий села. То есть 28,9 % крестьянских фамилий с. Поречья имели в услужении указанных лиц. Однако владение по домохозяйствам, принимая во внимание семейные разделы, выглядит более скромно: 44 владельца крепостных на 392 двора, или 11,2 %. 127 крепостных обоего пола — на 2364 человека крестьянского населения. Распределение по владельцам 103 лиц женского пола было от 1 до 5 человек. Пять женщин имела одна семья, по три женщины было в 8 семьях, по две — в 10 семьях, по одной — в 25 семьях.

Список крестьян, владевших крепостными, существенно дополняется сведениями из метрических книг. В метриках за 1829–1939 гг. выявлено еще 5 фамилий таких владельцев¹⁶, за 1840–1850 гг. — еще 3 фамилии¹⁷, и даже в 1857–1868 гг. — еще 2¹⁸. Метрические книги первой половины XIX в. фиксируют появление на свет у крепостных работниц незаконнорожденных детей, их кончину. Как правило, восприемниками этих детей были священнослужители, солдатки и в очень редком случае сами крестьяне¹⁹.

В метриках 1861–1868 гг. уже после отмены крепостного права священник в записях иногда применял для обозначения покупных лиц определение «раб». Так, 28 ноября 1861 г. «с. Поречья крестьянина Леонтия Васильева Маринина раба Матрона Иванова», 65 лет, умерла. 14 июля 1868 г. «проживающая в селе нашем в рабах девка Степанида крестьянина Мантухина», скончалась в возрасте 68 лет²⁰.

Количество покупных лиц, указанных в одной семье, на протяжении 20–30 лет возрастает практически вдвое. К примеру, по данным пометам выявлено, что крестьянскому роду Пелевиных в 1820-х гг. принадлежали две купленные ими работницы: девка Федора Савельева, 30 лет, и вдова Акулина Прокофьева, 40 лет²¹. Кто именно из представителей рода купил их, не устанавливается, поскольку записано коротко: «У Пелевина»²². Однако в списках последней ревизии 1858 г. имеется помета карандашом, что «девка Федора Савельева 58 лет у Василия Иванова Пелевина»²³. В метрической книге с. Поречья 1857–1868 гг. значится, что 22 мая 1862 г. «крестьянина Якова Андреева Пелевина работница Акулина Прокофьева»

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 262. Л. 7 об., 14, 33, 188 об., 198 об.

¹⁷ Там же. Д. 263. Л. 69 об., 97 об., 220 об.

¹⁸ Там же. Д. 265. Л. 247 об. 251 об.

¹⁹ Там же. Д. 262. Л. 1, 53, 56, 57, 117 об., 151 об.; Д. 263. Л. 5, 19 об., 28 об., 97 об., 106 об.

²⁰ Там же. Д. 265. Л. 211 об., 507 об.

²¹ Морозов А. Г. Генеалогия ростовского крестьянства: к истории и генеалогии рода Пелевиных // ИКРЗ. 2006. Ростов, 2007. С. 127–141.

²² РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 109 об., 110.

²³ Там же. Д. 9. Л. 168.

в возрасте 75 лет умерла²⁴. В 1830 гг. у него же находилась в услужении покупная работница, девка Елена Галактионова²⁵, а в 1840-е гг. — девка Дарья Сафонова²⁶. Фамилий покупные люди не имели.

Таблица 1

Убыль покупных лиц в с. Поречье, по ревизии 1834 г.*

Мужчины, всего:	24	Женщины, всего	103
Из них: отпущено на волю	3	Из них: отпущено на волю	11
Умерло	2	Умерло	33
В бегах	2	В бегах	11
Отдано в рекруты	8	Выданы в замужество	3
Продано	4	Продано	-/-
Находятся в неизвестной отлучке	5	Находятся в неизвестной отлучке	1

*Таблица составлена на основании данных: РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 104 об. — 109.

Таким образом, убыль лиц мужского пола была практически 100 %. Значительная часть мужчин покупалась вотчинным правлением и крестьянами для отправления рекрутской повинности. Мужчины использовались в качестве рабочей силы в меньшей степени²⁷. Женщины покупались крестьянами именно как работницы. Среди них значительны доли смертности — 32 % и беглых — 10 %.

Отсюда важным является вопрос о производственных отношениях — обращении крестьян со своими крепостными. Несмотря на строгие правила помещичьего «Уложения», вотчинная документация Поречья содержит 1—2 сообщения в месяц о жестоком обращении с указанными лицами. Так, 7 августа 1808 г. крестьянин Андрей Королев жаловался в домовую контору на побои, нанесенные женой крестьянина Маринина Меньшого его «покупной девке Федосье». 26 августа бурмистр Лалин получил приказ конторы произвести по жалобе следствие, а девку Федосью Андрееву «продать в добрые руки»²⁸.

В докладе пореческого бурмистра Лалина и его помощника Сироткина в домовую контору от 22 августа 1808 г. значится, что по ее приказу от 16 июня они рассматривали случай о побеге, совершенном девкой Анной Ивановой, служившей у крестьянина Рудакова. В ходе следствия соседи Рудакова показали, что девушка была «доброго поведения». Ее побоев как от Рудакова, так и от жены его они не видели и не слышали. Жена Рудакова на следствии призналась, что «она только будто за косу девку неоднократно драла, а более ничем не бивала». Однако Лалин за-

²⁴ Там же. Ф. 372. Оп. 2. Д. 265. Л. 248 об.

²⁵ Там же. Д. 262. Л. 39 об.

²⁶ Там же. Д. 263. Л. 145 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 40 об.; Д. 820. Л. 34 об., 62, 140; Д. 869. Л. 10 об., 17, 85; Д. 986. Л. 53 об.

²⁸ Там же. Д. 679. Л. 46 об., 47 об.

ключил, что верить ей нельзя. Девушка показала, что жена крестьянина «бьет ее всегда единственно за то, что ревнует ее с мужем своим». По словам самого Рудакова, у его жены была привычка ревновать. Общее заключение бурмистра с выборными гласит: «...означенную девку велеть продать желающим из порецких крестьян, а когда охотников не будет, то на сторону, ибо он, Рудаков, не заслуживает иметь у себя покупных людей, кроме наемных, по нраву жены своей». Пока шло следствие, девушка находилась в доме земского старосты Бровина, жена которого «девку весьма похваливала». Домовая контора тщательно проверила все показания и вынесла решение о ее продаже²⁹.

Таким образом, за своих покупных людей крестьяне несли несравненно большую ответственность перед помещиком и общиной, жестко контролировавшими производственные отношения, строившиеся на основе феодальной эксплуатации, нежели за лиц, работавших у них по найму.

В «Книге договоров и согласий Поречского вотчинного правления...» зафиксировано 9 письменных соглашений, заключенных между крестьянами и их покупными людьми. Так, 12 июня 1830 г. крестьянская вдова Пелагея Федорова Дунаева оформила соглашение с девкой Авдотьей Онофриевой, купленной для своих услуг на имя графа В. Г. Орлова у помещицы, дворянской девицы П. А. Кологривовой. Согласно купчей, Дунаева приобрела Онофриеву у Кологривовой за 324 руб. По соглашению Онофриева должна была прожить у Дунаевой в услугах на полном ее содержании, пище с одеждой, с момента покупки, то есть с 6 февраля 1830 г., 13 лет. По истечении указанного срока девушка получала от Дунаевой свободу. Специальная оговорка предоставляла ей право освободиться раньше: если Онофриева «...в добропорядочном поведении проживет у меня половину означенного срока и пожелает выйти в замужество или освободиться от услуг моих», она обязывалась заплатить Дунаевой половину суммы, заплаченной за нее прежней помещице «без всякого прекословия», а затем просить себе увольнения, получить вольную, которую надлежало «справить» ее бывшей хозяйке³⁰.

В маклерских книгах г. Ростова конца XVIII — начала XIX в. наличествуют документальные свидетельства приобретения крестьянами крепостных людей. Акт, датированный 1 января 1800 г., изложен от имени ростовского помещика, прапорщика Андрея Афанасьева сына Вралова. Рассматриваемый договор помещик А. А. Вралов «дал» Ростовской округи, деревни Чепорова крестьянину Тимофею Ларионову сыну Онучину. Отчества и помещика, и крестьянина указаны в тексте одинаково, как «-ов сын». Наличие у крестьянина фамилии свидетельствует о том, что ему неоднократно приходилось выправлять паспорт для поездок за пределы вотчины, что делали обычно зажиточные, торгующие селяне.

Суть договора в том, что помещик Вралов отдал крестьянину Онучину

²⁹ Там же. Л. 49 об., 60.

³⁰ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 61 об. 62.

из Ростовской же округи, деревни Уставской своего крепостного крестьянина Евдокима Леонтьева, причем не одного, а с его женой Ириной Андреевой. Отдал «в вечное ево владение». Прямо оговаривается, что Леонтьев с женой были отданы Онучину, чтобы владеть ими до «своей смерти», затем его «наследникам». Онучин мог употреблять указанных лиц на «всякие свои работы», а в случае непослушания — наказывать.

В данный период существовала практика уплаты крестьянами за своих крепостных подушных денег и податей, от ревизии до ревизии. Такое условие наличествует и в данном акте. Завершает договор формулировка, часто используемая в текстах отпускных: «А мне, Вралову и наследникам моим, дела нет и не вступаться».

Среди лиц, подписавших договор, во-первых — сам помещик Андрей Афанасьев Вралов; во-вторых — канцелярист Ростовского уездного суда Федор Степанов Иконников, выступивший как свидетель; в-третьих — подканцелярист Ростовского уездного суда Иван Алексеев Юматов, второй свидетель. Отчества свидетелей написаны аналогично. 20 февраля рассмотренный договор был явлен в Ростове маклеру Алексею Привалову, который и внес текст в маклерскую книгу под № 32³¹.

Таким образом, перед нами — пример передачи помещиком права владения крепостными, своих феодальных привилегий, лицу, которое само состояло в крепостном, податном сословии. Можно предположить, что небогатый помещик мог расплатиться с богатым торговым крестьянином своим живым имуществом за денежные долги. В маклерских книгах есть документальные свидетельства, когда помещики брали в долг деньги, с уплатой процентов, у торгующих крестьян, или у крестьян — ростовщиков.

В документации домовой конторы В. Г. Орлова периодически встречаются прошения ростовских крестьян об отпуске их крепостных на волю. Например, крестьянин с. Поречья И. Маринин Меньшой 12 августа 1808 г. писал, что он девку Наталью Козьмину, купленную им «...на имя вашего сиятельства для услуг своих, желает отпустить вечно на волю. Просит на сие позволения». В приказе конторы бурмистру Лалину, в тот же день отправленном вместе с копией прошения, имеется резолюция: «Отпускную девке дать». Подобным образом 2 октября 1816 г. борисоглебский крестьянин Иван Шошкин просил помещика дать вольную его крепостному Ефиму Горбунову с семейством. По предписанию домовой конторы бурмистр Суслов с выборными и лучшими людьми Борисоглебской вотчины рассмотрел дело, полагая за выпуск Горбунова с семьей взять с Шошкина в общество 1000 руб. Шошин был обязан платить до будущей ревизии за Горбунова все подати, а также оправдать его рекрутскую повинность³².

При отпуске крестьянина с семьей на волю он мог также выкупить и своих крепостных. Так, при взыскании 25 июля 1829 г. с крестьянина Сапожникова

³¹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3103. Л. 244—244 об.

³² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 32, 53; Д. 820. Л. 68; Д. 869. Л. 104 об., 134; Д. 986. Л. 40 об., 67 об.

4000 руб. асс. «за увольнение его с семейством на волю» домовая контора указала, что его «...крепостные люди поступят в подданство Г. Графа, а ежели нет...», — Сапожников должен был выкупить их за 5000 руб. асс.³³ В отдельных случаях покупные мужчины после отработки оговоренного срока принимались в крестьянскую общину, если здесь женились и были приняты в дом³⁴.

Таким образом, вопрос о дальнейшей судьбе покупного лица решался вотчинным правлением, домовою конторой с санкции помещика. Зачастую принималось решение «оставить в числе прочих имеющихся покупных на имя государя графа и приказать отыскивать себе место, где пожелает быть в услугах»³⁵. Источники показывают покупных людей в роли живого имущества ростовских огородников. Крестьяне могли их дарить, продавать, отдавать мужиков за себя в рекруты, завещать по наследству, отпускать на волю с согласия вотчинного правления и домовою конторы³⁶.

Книга входящих сообщений, рапортов и объявлений ростовского земского суда содержит объявления увольнительных писем от крестьян огородных сел их бывшим крепостным. Например, в марте 1809 г. от крестьянина с. Поречья Ивана Николаевича Сорогина было дано объявление, в котором он представил увольнительное письмо на бывшую у него в работницах дворовую женку, вдову Марину Алексееву, купленную им у помещика Григорова, сельца Курянинова Переславской округи³⁷.

Нередко прошения о получении вольной в домовую контору через бурмистра вотчины подавали сами покупные люди, в особенности когда купивший их крестьянин был сам уже отпущен на волю. Так, 9 марта 1828 г. контора уведомила поречского бурмистра Самойлова о рассмотрении прошения об отпуске на волю вдовы Татьяны Степановой с двумя дочерьми. Женщины находились в работницах у Ивана Яковлевича Королева, получившего вольную еще в 1820 г. и состоявшего в ростовском купечестве³⁸. Сообщение Самойлова от 7 апреля свидетельствует об их увольнении Иваном Королевым от своих услуг. Королев также ходатайствовал перед конторой об освобождении упомянутых лиц. 7 июня Самойлову было приказано объявить Королеву, что помещик получил его прошение относительно оставления у него вдовы с дочерьми, и «на оное не последовало соизволения»³⁹. Из приведенной переписки видно, что вдова и две ее дочери все так же состояли у Королева в работницах, но оставались крепостными. В. Г. Орлова, были приписаны к с. Поречью.

Очевидно, что и в конце XVIII — начале XIX в. рост товарного производ-

³³ Там же. Д. 986. Л. 114.

³⁴ РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 26 об., 78 об., 88 об., 89.

³⁵ Там же. Л. 51 об.

³⁶ Там же. Л. 21, 21 об., 71 об., 86 об.

³⁷ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

³⁸ Морозов А. Г. Королевы: к истории рода // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 88; РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 2. Л. 79; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1029. Л. 121; Д. 1157. Л. 48; Д. 1258. Л. 149.

³⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 64, 67 об., 71.

ства и неразрывно связанного с ним промышленного и сельскохозяйственного предпринимательства несколько опережал расширение рынка рабочей силы. Например, в 1808 г. на трех крупнейших полотняных мануфактурах Ярославской губернии работало 3224 человека, из которых лишь 692 были вольнонаемные, в основном женщины, «все же прочие — суть крепостные». Однако, судя по общей таблице мануфактур и фабрик губернии, доля вольнонаемных была несколько выше: 3831 вольных и 3346 крепостных, всего 7180 работников⁴⁰. Крестьяне ростовских огородных селений старались восполнить недостаток свободной рабочей силы применением феодально-зависимого, крепостного труда. В отношении покупных лиц помещики как бы переступали огородникам-предпринимателям, крестьянам-мануфактуристам свои феодальные привилегии. Уплачивая господам оброк деньгами, часто — на более значительную сумму, чем остальные члены общины, крестьяне-предприниматели получали возможность использовать труд крепостных. И хотя к последним очевидно применялись меры экономической стимуляции⁴¹ в форме поденной оплаты труда, годового, месячного жалования, «корма», одежды, крова и т.д., однако по сути крестьяне-предприниматели извлекали в этом случае феодальную ренту⁴². С одной стороны, покупные привлекались к огородным и заводским работам в обязательном порядке, т.е. труд их являлся принудительным при отсутствии добровольности купли-продажи рабочей силы, с другой — оставалась открытой возможность резкого увеличения эксплуатации путем завышения норм отработок или снижения размера их оплаты. Обязательность труда превращала его для покупных людей в отработочную ренту.

Документация домового конторы Голицыных по ростовским вотчинам также содержит сведения о приобретении крестьянами крепостных. Например, девка Дарья Федорова, в 1810 г. была куплена крестьянином с. Сулости Иваном Алексеевым Оксомовым и «...крепостно проживала у него в доме при отправлении всех крестьянских работ» в течение 6 лет. Затем, получив от Оксомова вольную, став мещанкой г. Ростова, по его просьбе осталась в доме вместо наемной работницы, «...без условия о годовой плате, а на таком добросовестном условии, что он при случае моего от них ухода в цене меня не обидит»⁴³. Тем не менее, после смерти хозяина, когда Дарья Федорова стала просить у его вдовы заработанные деньги, та начала «злоствуя, запирается». По этой причине 3 июня 1819 г. Дарье пришлось написать жалобу на имя князя С. М. Голицына. Только после его распоряжения бурмистр с. Сулость собрал мирской сход, который присудил взыскать с Оксомовых плату за 6 лет ее труда по найму и выдать за каждый год по 25 руб. «рабочих денег». В данном случае производственные отношения, строившиеся на основе феодальной экс-

⁴⁰ РГВИА. Ф. 846. Т. 3. Оп. 16. Д. 19180. Л. 58, 69 об.

⁴¹ Милов Л. В. Указ. соч. С. 529.

⁴² РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3. Л. 21 об.

⁴³ ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 36–36 об.

плуатации, трансформировались в отношения вольного найма, свободной купли-продажи рабочей силы и справедливый патронаж здесь вновь осуществил помещик.

Таблица 2

**Изменение численности крепостных у крестьян с. Поречье,
по ревизским сказкам***

	1795—1802 гг.	1815 г.	1834 г.	1858 г.
Мужчины	66	33	24	-/-
Женщины	159	126	103	24

*Таблица составлена на основании данных: РФ ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 129—145 об.; Д. 2. Л. 2 об.— 4, 57; Д. 4. Л. 104 об. — 109; Д. 9. Л. 123

Таким образом, к середине XIX в. численность крепостных у ростовских огородников постепенно сокращается, уступая место вольнонаемному труду. Результатом такого двойственного положения было не только взаимное переплетение старых и новых производственных отношений, но в какой-то мере — одновременное развитие тех и других. Помещик и крестьянская община достаточно жестко регламентировали и контролировали производственные отношения. В эксплуатацию крепостного труда входит практика заключения контрактов. Метрические книги 1860—1870 гг. свидетельствуют: последние покупные, оставаясь в селах у своих бывших хозяев в найме, в буквальном смысле вымерли в весьма преклонном возрасте. Священники в метриках их прямо называют — «рабы»⁴⁴.

В целом в первой половине XIX в. система эксплуатации рабочей силы в Ростовском огородничестве претерпела определенную эволюцию. Труд «покупных для услуг» в хозяйствах ростовских огородников все более заменялся трудом лиц разных податных сословий, работавших на основе наемного труда. Развитие отхожих промыслов предоставляло и расширяло количество необходимых для них рабочих рук, избыточных, лишних в соседних губерниях из-за недостатка наделной земли⁴⁵. Во второй четверти XIX в. уже преобладала система свободного найма рабочей силы. Складывается рынок наемного труда и конкуренция на нем⁴⁶.

⁴⁴ РФ ГАЯО. Ф. 372. Оп. 2. Д. 265. Л. 157 об., 211 об., 247 об., 251 об., 507 об.

⁴⁵ Ляпанов А. В. Государственные крестьяне Владимирской губернии после реформы П. Д. Киселева 1841—1866 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2005. С. 158.

⁴⁶ Морозов А. Г. Проблема обеспечения рабочей силой в ростовском огородничестве // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2007. № 8. С. 31—35.